

ЛИТВИН Юлия Валерьевна / LITVIN Yulia

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН / Institute of Linguistics,
Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
litvinjulia@yandex.ru

**«НАЙДИ ОТЛИЧИЯ»: РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ С КАРЕЛАМИ***

**'FIND DIFFERENCES': REGIONAL AND ETHNIC IDENTITY IN THE
MATERIALS OF INTERVIEWS WITH KARELIANS**

Abstract: Regional images are created by different actors at different levels with different goals. Most of the inhabitants of Karelia perceived the images, constructed mainly in the Soviet era, not least due to their accessibility for understanding and 'reification' — the natural uniqueness, cultural and linguistic authenticity was actively comprehended and rethought by scientists, writers, artists and was embodied in high-quality publications, art performances, regular festivals. The author of the article analyzes the images of the region, recorded in biographical interviews with Karelians, and raises the following questions: which images (categories) are the most significant and how regional identity is / is not combined with ethnic identity among Karelians.

Ключевые слова / Keywords: Региональная идентичность, этническая идентичность, Карелия, карелы, образ региона / Regional identity, ethnic identity, Karelia, Karelians

Вступление и понятия

Процессы регионализации традиционно относят к одному из уровней формирования территориальной идентичности. Региональная идентичность как объект социологического анализа отличается многовекторностью и смысловым разнообразием. Социолог Е. В. Еремина выделяет значимые компоненты регионализации. Во-первых, влияние физического пространства (природного ландшафта, климата) на региональное сознание, общее миропонимание жителей и представление об общности на территории. Во-вторых, проекция региональной идентичности на символическое освоение и репрезентацию пространства. В данном случае речь идёт о формировании ментальной карты, в результате чего происходит «символическая» связь жителей с пространством и формируется сообщество.

Использование в статье понятия «образ региона» подчеркивает значимость аффективного (ценностного, эмоционального) компонента в сознании моих собеседников и субъективного фактора восприятия и интерпретации реальности. Региональная идентичность в этом смысле характеризуется в большей степени как образно-эмоциональная категория, а не исключительно как административно-территориальная единица.

---

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

Исследования подчеркивают влияние этнического фактора на формирование региональной идентичности. Этническая идентичность — это представление человека о себе, как о члене определенной этнической группы. Мы можем различать внешние и внутренние аспекты этнической идентичности. Внешние аспекты относятся к наблюдаемому поведению — как культурному, так и социальному. Внутренние аспекты этнической идентичности относятся к образам, идеям, отношениям и чувствам. Эти два типа проявления этничности не всегда зависят друг от друга. Например, человек в третьем поколении может сохранять более высокую степень внутренних, чем внешних аспектов.

Ученые разводят разные виды идентичности в основном с целью облегчения категоризации феноменов. Стоит подчеркнуть, что выделение этнической идентичности — явление относительно новое, особенно по отношению к «незыблемой» территориальной, национальной общностям. Ярким примером сильной региональной идентичности в культурном и идеологическом пространстве современной России является сибирская идентичность. В повседневном дискурсе этническая и региональная идентичности могут пересекаться и дополнять друг друга, особенно в так называемых «национальных» республиках. Подобное пересечение становится ещё более понятным, если исходить из постмодернистских позиций, когда пространство утрачивает статичность.

В статье анализируются образы региона, зафиксированные в биографических интервью с карелами, и ставятся следующие вопросы: какие образы (категории) представляются наиболее значимыми, и как региональная идентичность сочетается (или не сочетается) с этнической идентичностью у карелов.

Методы и ограничения

В основе статьи — материалы биографических и полуструктурированных интервью, которые были собраны среди карелов в городах (Петрозаводск, Олонец, Костомукша, Медвежьегорск) и сельских населенных пунктах Олонецкого, Пряжинского и Кондопожского районов. Также применялся метод включенного наблюдения. Анализ производился путем выделения значимых кодов в каждом интервью, затем включения их в более обобщенные и крупные категории.

В отличие от стандартизированной анкеты, успех беседы в качественном исследовании в значительной степени зависит от субъективных факторов, таких как готовность собеседника отвечать на подчас абстрактные вопросы, умения и опыта интервьюера расположить к себе человека, окружающей обстановки и т. д. Исследование сфокусировано на данных биографических и тематических интервью и не претендует на обобщение. Качественные исследования нацелены на реконструкцию смысла и не строят репрезентативно обобщенных выводов.

Результаты

Ядро идентичности карелов — язык (независимо от уровня владения) и происхождение (свое или родителей). В случае с происхождением это обусловлено советской традицией приписывания национальности по этнической принадлежности родителей, а с языком — уже с постсоветским периодом мобилизации этничности посредством апелляции к карельскому языку как маркеру идентичности. Е. И. Клементьев писал: «Активисты национального движения — самая многочисленная группа, состояла из представителей гуманитарной интеллигенции, настойчиво утверждающих в массовом сознании коллективистскую идеологию защиты культурно-языковых ценностей народа (примерно 85–90 % публикаций). Триада “язык — национальная (этническая) принадлежность — этническая общность” рассматривалась ими как неразрывная целостность.

<...> Одна из центральных задач состояла в том, чтобы использовать мобилизационную силу языковой составляющей в решении первостепенных проблем: возродить письменность, обеспечить изучение языков в образовательной системе, использовать их в средствах массовой информации, издательской деятельности и т. д.». Эти слова одного из активистов возрождения карельского языка и учёного согласуются с общероссийскими данными и процессами, протекавшими во всех «национальных» республиках. Так, Л. М. Дробижева писала, что в таких республиках язык, его статус стал социальным ресурсом, способом проведения этнических границ, маркерами которых избирались чаще всего какие-то культурные обозначения. Язык играет важнейшую роль в этническом самосознании карелов. Обращение СМИ, научного сообщества, региональной власти к языку как основному маркеру этничности, фактору этнической целостности, закрепились в сознании моих собеседников.

Чем дальше от «ядра» (или чем меньше акцента в интервью на этничность), тем отчетливее проявляют себя более сложные региональные образы, включая регион как административно-территориальную единицу:

«Ну вот раньше я думала, что я русская (засмеялась). Но сейчас у меня немного поменялось, поменялось... мировоззрение что ли повернулось. Во-первых, потому что я занимаюсь декоративно-прикладным, во-вторых, потому что рисую. *И потом я подумала, что я же живу в Карелии — почему я русская-то?! Я же ведь карелка!*¹ Поэтому я думаю, что все-таки, наверное, я карелка» (эксперт, женщина А, 1978 г. р., г. Олонец).

Интервьюер: «То есть Вы считаете себя карелкой, потому что родились...».

Собеседница: «Да, я родилась в Карелии, родители карелы, и я считаю, что я карелка из-за этого» (женщина 1954 г. р., Олонецкий р-он).

Другой сюжет — связь идентичности с климатом и природой. Причём эти образы переплетаются с этническими категориями. Например, «типично карельские» черты характера увязаны с климатом:

¹ Здесь и далее во фрагментах интервью курсив автора.

«Они [карелы] очень сдержанные, они малословные, они не тархтят по любому случаю. Я сейчас не нахваливаю мальчиков своих, но я говорю о том, что ну вот настоящие карелы» (женщина, 1962 г. р., Нарвожа, Пряжинский р-н).

«Но, как я сказал, несмотря на то, что карелы дружелюбные, но это, я думаю, *это просто специфика природных, погодных условий. Может быть, они немножко подержаннее*» (эксперт, мужчина 1968 г. р., г. Петрозаводск).

М. В. Лескинен на примере формирования национальной идентичности финнов писала, что наполнение жизненного пространства символами, значимыми категориями и смыслами — универсальный механизм процесса идентификации в Европе и России ещё с XIX в. Такой географический детерминизм позволяет связать эмоционально окрашенные образы с ландшафтом.

Ведущее место в связке «этничность-регион» занимает чувственно-эмоциональный компонент. Это не только чувство гордости от проживания в Карелии и/или от принадлежности к карелам, но также ностальгия по прошлому, по «сельскому» образу жизни, который воспринимается как самобытный и «настоящий». Эта ностальгия проговаривалась в интервью через такие категории как «тогда и сейчас», «город-деревня». Элементами утраченного прошлого в интервью становились карельская речь, деревенский хозяйственный уклад и быт, которым противопоставляется урбанизация и отсутствие экологического контроля в процессе экономического освоения пространства. Приведем примеры:

«Все в таких печалях, какой-то разговор такой печальный вообще на самом деле. Осознаешь то, что *как раньше было и как сейчас*. И почему это *все утрачено*. Потому что есть человек, который живёт на своей земле, пользуется благами этой земли. Пусть она скудная, северная, и, естественно, ты любишь свою родину малую, скажем так. И ты за нее как бы потом и болеешь. Потому что видишь то, что там уже *не так происходит, как раньше было*. Как-то где-то что-то, не знаю... Просто пример. *Там лес вырубили где-то. А ты там на охоту ходил*. Красиво. *В нем тебе было комфортно*. Его не стало» (мужчина 1977 г. р., место рождения — Паданы).

Собеседница: «Карелия не процветает, деревня особенно. Ведь ничего не процветает. Даже дороги не могут сделать: за счёт того лес вывезли, так отремонтируйте дорогу-то».

Интервьюер: «Да, это правда».

Собеседница: «Это вот просто, мне кажется. Вы взяли, да уже что-то нам дайте, дорогу-то нормальную. Засыпьте асфальт, засыпьте, мы просим, нормально засыпьте, чтоб его не заливало каждый год. Проблема номер один. И камень. Камень нам жалко. *Все места, в которые мы ходили в лес обычно по ягодам, по грибам, они же ведь такая красота!* Древние скалы, сколько они простояли» (женщина 1958 г. р., д. Сельги Медвежьего р-на).

«Мне нужно было 20 лет жить в Петрозаводске, чтобы понять, что я обратно хочу жить [в деревне]. Даже по ночам снится, что я хочу на сенокос. Я хочу полоть картошку, окучивать картошку. *Я хочу печь калитки*. Калитки я и так постоянно пеку.

Я умею их по всем старинным обычаям делать. *Я хочу топить русскую печь. Я хочу лежать на лежанке. Я хочу растапливать русскую печь и растапливать баню, и вдыхать запах дыма.* И все эти яркие воспоминания с детства» (женщина 1977 г. р., Пряжинский р-он).

Ностальгия по ускользающему «чувству локальности» сопряжена с противопоставлением города и деревни как глобализирующегося и локального. Подобные описания и воспоминания предстают в идеализированном свете. Описываемое прошлое (по сумме социально-психологических факторов) оказывается в заведомо проигрышной позиции перед настоящим. Один из экспертов подчеркнул ценностные установки карелов, которые он связал с сельским образом жизни:

«...я жил в деревне и я знаю, и видел, и рос, и воспитывали меня так, *вот в тех нормах...* по тем нормам, по тем законам, *по которым жили карелы, скажем, в деревне...* Во-первых, очень не любили вранье. Очень не любили воровство. Такого не было у нас. Если кто-то куда-то уходил, двери практически оставались открытыми, только палочкой подпирали. Всегда приходили на помощь кому-то» (1957 г. р., г. Петрозаводск).

Германский исследователь К. Рот ввел понятие «символический регионализм». Необходимость его использования связывается К. Ротом с вниманием к периферийным регионам, наличием в условиях урбанизации и глобализации мира своеобразной ностальгии по «сельскому» образу жизни, ценностным наполнением такого образа жизни и даже планами на возвращение в место рождения или место происхождения родственников.

При разговоре о каком-либо феномене, даже подвижном, возникает вопрос о его границах. Как в интервью с карелами осмысляется этническая/региональная граница? Карельское пограничье проходит по линии официальной государственной границы (Россия — Финляндия), административной границе субъекта (Карелия в составе России), а также имеет культурное измерение. Государственная граница проходит по карте и осмыляется собеседниками в понятиях экономического благополучия. Так, молодая женщина из Костомукши, часто бывающая в Финляндии говорила:

«Но мне кажется, что всегда *государство могло бы поддерживать больше. Но у нас всегда ни на что не хватает денег.* Я работаю в образовании. И даже посмотрев на наших соседей по ту сторону границы, я понимаю, что *там гораздо больше делается для всего,* так как образование неразрывно связано с культурным развитием» (женщина 1990 г. р., Костомукша).

Контраст в уровне и качестве жизни может также пересекаться с кодом «тогда-сейчас»:

«Конечно, народ куда [трудоустраивается]? Ни колхозов, ничего уже нету. *Раньше* все свое было: молоко, мясо, хлеб свой. Пекарня была. Привозили ткань, шили что-то. Ателье, все свое было. А сейчас что? *Сейчас* ничего нет. Даже тут уже тоже. *Просто в Финляндию даже ездешь. Я не то, чтобы люблю Финляндию, как некоторые.*

Нет. Я нормально к этому отношусь. Просто сравниваешь. 30 км проехал, границу проехал. *Что жизнь другая что ли? (...) Границу пересекли. Я пересекал границу в Сортавале. Там в сторону Сортавалы, там вообще деревушки такие были. Смотришь на них, там уже дома такие полуживые»* (мужчина 1983 г.р., Костомукша).

Другая граница — культурная — отсылает к различиям характеров, различию в поведении. Эта граница проходит по климатической («северные»/«южные» люди) и этнической (русские/финны/карелы) линиям. Следующий фрагмент иллюстрирует не только узнаваемые стереотипы и автостереотипы о карелах (спокойствие, трудолюбие, замкнутость и т. д.), но и проведение границы внутри этнической своей группы:

Собеседница: не знаю. Я не знаю. Я думаю, что это, такая *сдержанность*, я думаю, что, наверное, *именно северным краям присуща*.

Интервьюер: то есть *ребольские тоже сдержанные?*

Собеседница: *нет, ребольские — это откуда-то отсюда, с юга?*

Интервьюер: <...> Северные — это откуда тогда считается?

Собеседница: ну, *север этот наш, Лужский район, граница с Мурманской областью*.

Интервьюер: отсюда и дальше, на север уже?

Собеседница: да.

По Ф. Барту, понятие «этническая граница» оказывается условным и ситуативным, поскольку всякая произведенная демаркация — это результат субъективного выбора. Антрополог Э. Коэн использует понятие «серых зон» для обозначения невыраженности культурных границ. Несмотря на подвижность и гибкость этнических границ, они все же существуют в сознании.

Выводы

Итак, ядро идентичности карелов составляют язык (независимо от уровня владения) и происхождение (свое или родителей). В ходе интервью раскрывались и другие аспекты идентичности. К таковым следует отнести образы, связанные ландшафтом, климатом, природой. Подчас эти образы переплетались с этническими категориями. Подобный процесс характерен для всех этнических и национальных групп или образований и является универсальным. Кроме того, ведущее место в связке «этничность-регион» занимает чувственно-эмоциональный компонент. Он связан с чувством гордости от проживания в Карелии и/или от принадлежности к карелам, но также с ностальгией по прошлому, по «сельскому» образу жизни, который воспринимается как самобытный и «настоящий». Эта ностальгия проговаривалась в интервью через такие категории как «тогда и сейчас», «город—деревня».

² Ср. самоописание характера карела с ещё более «южного» района Карелии — из г. Олонца: «[для карелов] характерно спокойствие. В армии меня называли карелом. То есть я всегда спокоен. Нет у меня эмоциональный взрывов» (мужчина 1972 г. р.).

Граница Карелии проходит по линии официальной государственной границы (Россия — Финляндия), административной границе субъекта (Карелия в составе России), а также имеет культурное измерение. Государственная граница проходит по карте и осмысливается собеседниками в понятиях экономического благополучия, тогда как культурная отсылает к различиям характеров и норм поведения.

Какие категории практически отсутствовали в интервью? В интервью, за редким исключением, не вспоминали о государственных символах и событиях ранее 1930-х гг. Глубокие исторические экскурсы, т. е. дальше, чем на два поколения, характерны для так называемой группы экспертов или активистов, которые апеллируют к прошлым событиям для объяснения текущей этноязыковой ситуации, поиска источников идентичности или подкрепления самосознания.

Таким образом, в интервью с карельским населением мы видим переплетение этнической и региональной идентичности, в настоящее время в пользу этнической. Это особенно важно, если учесть, что такой мощный маркер, как карельский язык для большинства моих собеседников является символическим ресурсом самоидентификации. Принцип деления регионов по национально-административному принципу сосуществует с современными процессами интеграции и унификации культур. Эти тенденции сочетаются с процессами углубления и более отчетливой прорисовкой культурных различий. Об этом упоминал М. Фэзерстоун: «... усиления национальных государств, направленные на создание гомогенных, интегрированных культур <...> парадоксальным образом приводят к углублению этнической и региональной дифференциации».

Список литературы

Головнева, Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале сибирского региона) / Е. В. Головнева. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. — Екатеринбург, 2018. — 38 с.

Дробижева, Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет / Л. М. Дробижева. — Москва : Новый хронограф, 2013. — 336 с.

Еремина, Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е. В. Еремина // Регинология. — 2011. — № 3. URL: <http://regionsar.ru/node/781> (Дата обращения: 10.02.2021).

Клементьев, Е. И. Факторы этнической идентичности на примере карелов Карелии / Е. И. Клементьев // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Гуманитарные исследования. — 2012. — Вып. 3. — № 4. — С. 144–152.

Лескинен, М. В. Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса /

М. В. Лескинен // Одиссей. Человек в истории. — Москва : ИВИ РАН. — 2010. — С. 175–204.

Рождественская, Е. Ю. Биографический метод в социологии / Рождественская Е. Ю. — Москва : ИД Высшей школы экономики, 2012. — 600 с.

Стефаненко, Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. — 2009. — Серия 14: Психология. — № 2. — С. 3–16.

Cohen, A. P. Self-Consciousness: An Alternative Anthropology of Identity / A. P. Cohen. — London : Routledge, 1994. — 230 p.

Featherstone, M. Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity / M. Featherstone. — London, 1995. — 178 p.

Roth, K. What`s in Region? Southern European regions between globalization, EU-integration and marginalization / K. Roth // Ethnologia Balcanica. — 2007. — Vol. 11. — P. 17–42.